

СЕРГѢЙ КОМАРОВЪ

Вѣчный танецъ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ
ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
(1928 — 1929)

Издательство Я. Поволоцкаго и Ко
ПАРИЖЪ

МСМХХ

Настоящая книга набрана
и отпечатана типографіей
Société Nouvelle d'Edi-
tions Franco-Slaves для
издательства Я. Поволоц-
кій и К-о въ количествѣ
одной тысячи экземпля-
ровъ въ іюнь мѣсяцѣ
тысяча девятьсотъ три-
дцатаго года —

Copyright by Povolozky, Paris 1930.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Весенний вечеръ въ Парижѣ. Спустились сумерки, зажглись фонари, освѣтились многочисленныя витрины магазиновъ и заблестѣли тысячами глазъ прожекторы автомобилей. Елисейскія Поля — улица особняковъ, мировыхъ отелей, театровъ и магазиновъ роскоши, казалась безконечной дорогой. Вдалекѣ, какъ призракъ, чернѣла Триумфальная Арка, и послѣдніе лучи умирающаго солнца пробивались сквозь нее.

Среди множества автомобилей плавно и безшумно катился двухмѣстный Паккаръ. Онъ то тихо и осторожно пробирался сквозь плотные ряды машинъ, то, не видя препятствія, срывался съ мѣста и однимъ мощнымъ прыжкомъ проносился двадцать-тридцать метровъ до слѣдующей задержки. Двое молодыхъ людей ѣхали въ немъ.

— «Парижъ — большая деревня. Куда ни пойдешь, все тѣ-же лица» — сказала хозяйиня машины, и быстро объѣхалъ автомобиль, преграждавшій ему дорогу.

Это былъ красивый высокій брюнетъ, одѣтый по послѣдней модѣ, но безъ ея крайностей, какъ большинство молодыхъ людей нашего времени. Въ его костюмѣ спокойнаго тона и хорошаго покроя была видна рука опытнаго закройщика. На немъ была низко спущенная на правый бокъ шляпа съ небольшими полями, бѣлыя перчатки и красная гвоздика въ петлицѣ. Рядомъ съ нимъ лежалъ толстый солидный зонтикъ — мода, заимствованная у англичанъ. По его правильнымъ чертамъ лица, смуглой матовой кожѣ и чернымъ глазамъ съ поволокой, нетрудно было угадать его южное происхождение. Онъ былъ аргентинецъ. Свою страну онъ помнилъ плохо, и Францію, Парижъ любилъ, какъ родину. Во Франціи онъ жилъ съ малыхъ лѣтъ со своей матерью. Въ семьѣ его произошла большая драма: отецъ, чловѣкъ простой, грубый, разбогатѣвшій случайно благодаря выгодной спекуляціи, былъ плохой мужъ. Не говоря уже о невѣрности женѣ, его распущенность доходила до крайнихъ предѣловъ. Часто въ пьяномъ видѣ онъ пріѣзжалъ съ женщинами въ собственный домъ, гдѣ и продолжалъ пьянство и разгулъ. Жена, характера тихаго и застѣнчиваго, долго терпѣла всѣ его выходки ради двухъ малолѣтнихъ сыновей. Она была изъ очень хорошей старой фамиліи и вышла замужъ по настоянію родителей. Не выдержавъ этой жизни, она развелась съ мужемъ и переѣхала во Францію съ младшимъ сыномъ. Послѣ смерти отца, состояніе его было раздѣлено между двумя сыновьями. Младшій, котораго звали Альфредъ Лопезъ, какъ только сталъ совершеннолѣтнимъ, получилъ

свою часть состоянія на руки и поселился отдѣльно отъ матери, несмотря на ея просьбу остаться съ ней. Первое время, по ея настоянію, онъ сталъ служить въ предпріятіи одного родственника и даже хотѣлъ внести въ это дѣло часть своихъ денегъ. Однако, благія намѣренія Альфреда продолжались недолго. Шестьдесятъ тысячъ франковъ въ мѣсяць — проценты съ капитала, — богато обставленная квартира въ хорошемъ кварталѣ, успѣхъ у женщинъ, закружили голову молодому человѣку, и онъ сталъ жить, какъ многіе богатые иностранцы въ Парижѣ. Теперь ему исполнилось 27 лѣтъ, а мысль перемѣнить свой образъ жизни еще не приходила ему на умъ.

Другой молодой человѣкъ былъ его другъ. Онъ былъ русскій. Тоже высокій, шатень, съ гладко зачесанными назадъ волосами, съ открытымъ, прямымъ, немного широкимъ лицомъ и добродушнымъ взглядомъ зеленовато-голубыхъ глазъ, онъ имѣлъ видъ не хуже своего сосѣда, но его славянскій типъ былъ совершенной противоположностью южной красотѣ его друга. Маленькіе темные усы и пріятная улыбка, открывающая рядъ бѣлыхъ зубовъ, придавали его лицу особую прелесть. Ему было 26 лѣтъ и звали его Владиміръ Медвѣдевъ. Принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливецевъ русскихъ, которые, переживъ всѣ ужасы революціи и вырвавшись, наконецъ, изъ Россіи, нашли за границей капиталы, переведенные до войны. Мать его отца, задолго до войны, переселилась изъ-за своего здоровья на Ривьеру и купила тамъ большую виллу; она привезла съ собою всѣ драгоцѣнности и нѣкоторый капиталъ. Все

вмѣстѣ взятое было цѣнностью въ пять миллионѣвъ франковѣ. По смерти бабушки Владиміръ оказался ея единственнымъ наслѣдникомъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ Владиміръ лишился матери и жилъ съ отцомъ, котораго любилъ въ глубинѣ сердца, но боялся и какъ будто даже стыдился обнаруживать передъ нимъ свои чувства. Отецъ всегда оставался для него чужимъ, хотя и горячо любимымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого, Владиміръ еще ребенкомъ сталъ замкнутымъ и казался холоднымъ и даже безсердечнымъ, несмотря на безграничную нѣжность и отзывчивость его скрытой души. Революція, разореніе, разгромъ ихъ домашняго очага и разстрѣлъ отца произвели на него такое ужасное впечатлѣніе, настолько потрясли его, что онъ нервно заболѣлъ чѣмъ-то вродѣ горячки и, поправившись, еще долго страдалъ отъ ужасныхъ кошмаровъ по ночамъ и отъ болѣзненной впечатлительности. По смерти отца его приютили дальніе родственники, и съ ними вмѣстѣ онъ прошелъ тотъ тернистый путь, который хорошо знакомъ всѣмъ русскимъ. Переѣзды изъ города въ городъ, уличные бои, безпрестанная смѣна властей, вѣчный страхъ за свою жизнь и за жизнь близкихъ людей и главное — отсутствіе всякаго воспитанія, образованія и нормальнаго нравственнаго развитія. Владиміръ начиналъ учиться то въ одной, то въ другой гимназіи какого-нибудь города, какъ вдругъ приходилось сниматься и бѣжать отъ приближенія врага. Родственникамъ, занятымъ добываніемъ куска хлѣба и прочими хлопотами, не было времени слѣдить за дѣтьми, и они росли безъ всякаго

призора. Слишкомъ раннее развитіе, испорченность нравовъ, общее разложеніе и нервная атмосфера революціоннаго времени — сыграли важную роль въ жизни всей этой молодежи. Владиміру было тяжело жить со своими родственниками, которымъ онъ былъ въ тягость, его отношенія съ ними портились съ каждымъ днемъ. Только въ 16 лѣтъ ему удалось покинуть родину съ близкими друзьями его отца и переехать во Францію. Здѣсь его ожидало большое состояніе. До совершеннолѣтія онъ находился подъ нѣкоторымъ присмотромъ своихъ старшихъ друзей, которые жили не въ Парижѣ и только изрѣдка навѣщали его. Получивъ все состояніе бабушки на руки и щедро расплатившись съ друзьями за услуги, онъ началъ видѣться съ ними все рѣже и рѣже и, наконецъ, потерялъ ихъ совсѣмъ изъ виду. Постепенно онъ сталъ вообще отходить отъ русскихъ, которые, какъ ему казалось, смотрѣли на него, какъ на золотой мѣшокъ, и сблизился съ богатыми французами и иностранцами. Владиміръ вступилъ въ жизнь, не получивъ почти никакого образованія и не имѣя нравственныхъ устоевъ, и пошелъ бы по плохой дорогѣ, если бы его состояніе не спасло его. Онъ самъ часто думалъ про себя: «Чѣмъ я живу? Тамъ, гдѣ-то далеко позади, что-то прекрасное, родное, но невозвратимое, уже далекое моею душѣ, хотя я и чувствую его присутствіе во всемъ моемъ существѣ. Тутъ-же, все чужое, пустое и непонятное, но соблазнительное до безумія».

И чѣмъ было жить? тѣми увядающими съ каждымъ днемъ надеждами, тѣми воспоминаніями, ко-

торыя заставляли вѣрить во что-то и требова
строгой правильной жизни, тѣми, какъ ему казалось
волшебными, но дѣтскими сказками, или той собла
нительной дѣйствительностью, которая окружала
его?

Оба друга, ѣхавшіе на машинѣ, думали и ка
дый про себя, о томъ, какъ провести сегодняшнюю
вечерь.

— «Уже девять часовъ, пора обѣдать. Поѣдемъ
сегодня куда-нибудь въ хорошей отель. Пріятно, т
хо, хорошая публика и интересные женщины»
сказалъ Владиміръ.

— Мнѣ все равно — пожалуй плечами Альфред
— но если ты хочешь найти дѣвочекъ и не сидѣть
одинъ и пить виски весь вечеръ, то пойдёмъ куда
нибудь, гдѣ попроще. Знаешь, маленькій рестора
чикъ, гдѣ мы были на прошлой недѣлѣ?

— «Сегодня было-бы недурно, конечно, по
ѣхать съ кѣмъ-нибудь въ Булонскій лѣсъ, но ко
мы тамъ найдемъ? Опять Роберту, Сюзи, навѣрня
встрѣтимъ Ивонну»...

— А я-бы не прочь повидать Ивонну, — сла
ко улыбнулся Альфредъ. Мнѣ все равно какого о
поведенія, но она хороша собой, весела, пріятны
товарищъ; подаришь ей какой-нибудь пустякъ —
всегда въ восторгѣ.

Послѣ долгихъ споровъ, все же рѣшили итти в
маленькій ресторанъ, предложенный Альфредомъ.

Владиміръ выпилъ аперитифъ, легко поко
чилъ вдвоемъ съ Альфредомъ съ бутылкой красн
го Бургундскаго и за кофе съ рюмкой коньяка с

всѣмъ повеселѣлъ. Посадили ихъ въ ресторанъ неудачно, — около какого-то пожилого господина. Да и вообще, кромѣ одной блондинки, которая не понравилась пріятелямъ, всѣ дамы были со своими кавалерами. Владиміръ, допивая коньякъ, сталъ уговаривать Альфреда заглянуть въ извѣстныя имъ кафе, въ американскіе бары и найти непременно двухъ дамъ.

— «Въ такой вечеръ я способенъ влюбиться», — сказалъ Владиміръ, затягиваясь папирсомъ.

— Ну, ты, кажется, всегда способенъ на это послѣ хорошаго обѣда съ обильной выпивкой, — насмѣшливо замѣтилъ Альфредъ.

— «Безусловно вино располагаетъ къ чувствительности, не спорю; однако, сегодня весна, мой дорогой, а ты — скотина и ничего возвышеннаго не понимаешь... Довольно сидѣть, потребуй счетъ и идемъ на воздухъ».

Воздухомъ они, однако, долго не пользовались, и зашли въ хорошо извѣстное имъ кафе на Елисейскихъ Поляхъ. Альфредъ вскорѣ замѣтилъ высокую блондинку, которая служила манекеномъ въ одномъ изъ парижскихъ модныхъ домовъ. Она его не интересовала, и подошелъ онъ къ ней, потому что увидѣлъ сидящую съ ней брюнетку лѣтъ 18-ти, очень милостивую, которая сразу понравилась ему. Онъ пригласилъ ихъ къ своему столу и познакомилъ съ Владиміромъ. Компанія скоро оживилась. У Альфреда уже заблестѣли глаза, онъ былъ веселъ, остроумень, цѣловалъ ручки своей новой знакомой и шепталъ ей что-то на ухо, что заставляло ее неестественно